

мировую столицу, Константинополь, — более продолжительного и героического подвижничества со стороны какого-либо государства история и не знает вовсе.

И вот этот-то великий оплот Европы ниспровергли не враги христианства, а христиане-крестоносцы, верования которых совпадали с греческими во всех существенных частях. На крестоносцах лежит вина за то, что турки наконец вторглись на Запад через разбитые твердыни Босфора и водрузили знамя азиатского варварства и над Святой Софией, и над Парфеноном. Крестоносцы упразднили государственную и церковную связь между отдельными странами, входившими в состав империи, и положили предел дальнейшему развитию эллинской образованности, которая оказывалась настолько мощной, что изливала просвещение чуть ли не до Волги. Ознакомление с иными творениями греческой словесности перешло из библиотек империи в Багдад и Кайрован и впоследствии отсюда проникло обратно в невежественную Европу при посредстве арабов. Несмотря на внутренние бедствия, порожденные упадком нравственности и гражданственности, весь ужас коих не очерчен никаким наблюдателем, единственно город Константинополь мог еще в общем оставаться средоточием византийской церкви и государственности, знания, искусства и промышленности, являясь по-прежнему выразителем всей ценности и объема культурности. Впрочем, в людском сознании не переставало жить сознание того, что во всем мире не имеется ничего равного Византии. Евстафий Фессалоникийский, который был настолько счастлив, что не дожился до падения Византии, восхвалял ее как столицу, украшение человечества, как чудное и приветливое око земли, как родину красноречивых добродетелей, без которых сам мир не был бы миром, как рай, вмещающий в себе все блага и изливающий несчетные благодеяния на весь мир. Никита Хониат называет Византию чудным градом Константина, всем славимым, к которому устремляются все человеческие вождедения, а удивленный Вильгардуен отзываясь о Константинополе как о богатейшем во всем мире городе, царствующем надо всеми прочими.